STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

Т. М. НИКОЛАЕВА

О ЧЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ НАПИСАЛ МАРСЕЛЬ ПРУСТ?

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2012

УДК 811.161.1
ББК 81.031
Н 63

Работа написана в рамках Программы ОИФН (2009—2011)
«“Ключи” нарратива» в пределах общей темы:
«Текст во взаимодействии с социальной средой»

Николаева Т. М.

Н 63 О чем на самом деле написал Марсель Пруст? — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 128 с. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 978-5-9551-0519-2

В книге Т. М. Николаевой высказывается новая для прустоведения мысль о том, что всего (или почти всего), что описывается в романе, в реальности не было, а это мечтается или мерещится больному юноше (потом — старику), окруженному заботами родных (реальных) и заботливой прислуги. Согласно ее концепции, в романе выявляются две действительности: реальная и мнимая. Таким образом, сам Марсель Пруст оказывается более авангардным писателем, чем это было принято считать до сих пор.

ББК 81.031

В оформлении переплета использованы фрагмент картины Жана Беро и фотоанаграмма светлАны ивАновой

Татьяна Михайловна Николаева

О ЧЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ НАПИСАЛ МАРСЕЛЬ ПРУСТ?

Издатель А. Кошелев

Корректор Г. Эрли. Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым.

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 05.12.2011. Формат 84 108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 6,56 Тираж 600. Заказ №

Изд-во «Языки славянской культуры».
ОГРН 1037739118449.
Тел.: 959-52-60. E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**

ISBN 978-5-9551-0519-2

© Николаева Т. М., 2012
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Светлой памяти моего дорогого мужа
Андрея Дмитриевича Михайлова
посвящается

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 9

Глава первая
Что такое «грамматика текста»? 20

Глава вторая
«Ключи» нарратива —
одна из категорий грамматики текста 39

Глава третья
Основная гипотеза и ее изложение 46

Глава четвертая
Подозрительное и небывалое везение героя . 53

Глава пятая
«Антибуржуазность» романа? 63

Глава шестая
«Дама в розовом» 70

Глава седьмая
La vie en rose 81

Глава восьмая
«Ключи» самого Пруста 90

Заключение 106

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1 111

Приложение № 2 113

Приложение № 3 119

Приложение № 4 121

Приложение № 5 125

Литература 127

ВВЕДЕНИЕ

К великому и пространному тексту «Поисков утраченного времени» можно подходить по-разному. Разумеется, все эти подходы нашли свое место в прустоведении — как по отдельности, так и в прустоведении, замахивающемся на цельность подхода.

Однако сначала я хочу изложить свою гипотезу, претендующую, пожалуй, только на «свежесть мысли дилетанта».

Марсель Пруст описывает то, чего не было никогда, и то, что мерещится, или мечтается, тяжело больному подростку (потом — тяжело больному юноше, потом — вышедшему из больницы старику) из обеспеченной буржуазной семьи, в основном находящемуся в постели, задыхающемуся от приступов удушья, много читающему, пытающемуся писать, стать писателем, и, конечно, окруженному заботами реальных близких и родных.

Итак, в тексте различаются две действительности: **реальная** и **виртуальная**.

Но можно работать над «В поисках утраченного времени» и по-другому, что обычно и делают.

Итак,

1. Можно сосредоточиться на биографии самого Пруста и рассматривать его роман на фоне его биографии. Прежде всего, именно его биография всегда вызывала и вызывает особенный интерес, хотя по сути она была не слишком яркой. Это не биография его современников, таких, как Джек Лондон или Максим Горький. Или даже нестандартная биография Оскара Уайльда. Почему была столь важна биография сына профессора-медика, одинокого человека, достаточно обеспеченного и невероятно образованного? Я думаю, потому, что Пруст тщательно убрал из книги все тривиальные биографические моменты: службу в армии, хотя и короткую, прекрасное образование в лицее Кондорсе, причины дуэлей, специальные занятия философией, Гонкуровскую премию, еврейскую кровь, наконец. И остался Марсель, о котором мы знаем и очень мало, и очень много. Мы узнаем о взглядах Марселя-героя на литературу, о динамике его чувств, о длительной таинственной больнице, которой он заменил добровольное творческое затворничество больного, практически умирающего, писателя Марселя Пруста. Узнаем о переходе от лихорадочной светскости к одиночеству. Узнаем о переездах: с улицы Курсье на бульвар Осман, но, самое главное, — Марсель-неудачник. Он даже жалок, а счастлив только в своих мечтах. Его амбиции далеко отстоят от их реализации. А Марсель Пруст — гений. Но эти две биографии сложно переплетаются и расщепить их мучительно трудно. По сути это должен делать профессиональный психолог. Как уже говорилось выше, я считаю, что в романе несколько биографий. Биография «реального Марселя», уроженца Илье-Комбре, биография Марселя в его мечтах и биография писателя Марселя Пруста — отчасти.

Поэтому биографического конвоя в нашей книге не будет.

2. Можно обратиться к человеческому окружению Пруста А оно было очень интересным и разнообразным. В детстве, живя на бульваре Мальзерб, он играл с девочками: Жанной Пуке, будущей княгиней Радзивилл, Мари и Нелли Бенардаки[1]. В лицее Кондорсе были Жак Бизе, Даниель Галеви, затем на лекциях в Сорбонне — знакомство с Анри Бергсоном. А потом светские знакомства: принцесса Матильда, графиня Грефюль, румынские князья Бибеско, поэтесса Анна де Ноайль, граф Робер де Монтескью-Фезензак (прямой потомок реального д'Артаньяна), дворянина и поэта. Как говорил Люсьен Доде: «Свет имел для него значение, но такое, какое цветы имеют для ботаника, а не для господина, покупающего букет». Светские связи Марселя Пруста многомерны и не всегда оценимы для российского исследователя.

О светских связях тоже в книге не будет.

3. Можно попытаться выявить и описать прототипы героев «Поисков», даже обсудить предлагаемые и предлагавшиеся другими гипотезы. Поиск прототипов — пожалуй, одна из самых увлекательных сторон литературоведческого конвоя. Часто находки в этой области приносят глубокое удовлетворение и заменяют собой интерпретацию текста и приносят уважение литературоведу-исследователю. Сам Пруст писал, что персонажи его романа вымышленные, имея в виду то, что точной корреляции между персонажем и каким-либо конкретным лицом нет. Но такой человеческий

[1] О Бенардаки все-таки хочется кое-что сказать российскому читателю. Константин Бенардаки был успешным предпринимателем, основал Сормово, дружил с Гоголем, который изобразил его дважды: как позитивного и успешного Костанжогло и как страшного грека в «Портрете». Сын его, Николай, уже был при дворе, а внучки Мари и Нелли жили в Париже и дружили с юным Прустом.

комплекс стоит за плечом персонажей у всех крупных писателей. Интересно, например, что найдено много претенденток на образ Татьяны и как-то маловато — для Онегина, это действительно образ несколько воображаемый, собирательный и потому не слишком интересный. Л. Н. Толстой писал также, что Наташа Ростова — это букет прототипов, включая и сестру жены Татьяну Андреевну Кузьминскую. Встают и сложные вопросы. Например, насколько Наполеон Толстого — это реальный Наполеон Бонапарт, а Михаил Илларионович Кутузов — прототип (?) Кутузова у Толстого.

О прототипах Пруста писали много, и в этом был некий снобизм. Например, элегантная и роскошно одетая графиня де Грефюль — прототип герцогини Германтской. А остроумная госпожа Стросс — тоже? Уже как будто найдено, что писатель Бергот — это Анатоль Франс. И все знают, что карикатурно великолепный граф Робер де Монтескью-Фезензак, такой, каким он представлен на портрете Болдини, явился прототипом барона Паламеда Шарлюса. Элегантная львица полусвета Лора Эйман, которой Пруст несколько увлекался, как будто бы отражена в образе Одетты де Креси, в более раннем тексте носившей имя Кармен.

Но больше всего гипотез обращено «в сторону Свана». Победителем считается тут некий Аас (Хаас)[2]. Но не всегда найденное сходство дает нам что-нибудь для прочтения подспудного текста великих текстов. Что, например, мы получаем, кроме общей эрудиции, из того, что на внешний облик Анны Карениной повлиял — в восприятии Л. Толстого — облик Марии Гартунг, дочери поэта? И поиск прототипов — это чисто национальное, французское, поле игры.

И этого в книге тоже не будет.

4. Обратиться можно и к в чем-то сходной литературе его времени. Из литературной классики прошлого, на-

[2] Наиболее подробно эта тема разработана в книге А. Д. Михайлова «Поэтика Пруста» (в печати).

пример, я знаю два похожих текста. Это рассказы Амброза Бирса.

Первый. «Случай на мосту через Совиный ручей» (1890).

Посмотрим конец этого известного рассказа, в котором говорится о посмертных видениях (счастливое спасение и уход домой) человека, чье мертвое тело уже давно качается на веревке на мосту через Совиный ручей (Приложение № 1).

Гораздо ближе к моей «прустовской» гипотезе более поздний рассказ Амброза Бирса «Обретенное тожество»[3] (A resumed identity, 1893). Герой рассказа (служивший или служащий в войске северян; автор не сообщает о наличии-отсутствии у него формы и вообще о его внешнем виде) видит на дороге, прячась за деревьями и кустами, длинную, но молчаливую процессию войска южан: отряды кавалерии, колонны пехоты, батареи — армию, движущуюся в странном безмолвии по дороге к поселку, где были фермерские домики, но света в них не было. Единственным звуком был лай собак. В следующей части рассказа некий врач едет верхом навестить больного. К нему подходит незнакомец (читатель понимает, что это и есть герой первого отрывка), спрашивает, где найти войска северян и что его самого слегка ранило и он потерял сознание. Однако он в штатском костюме и утверждает, что ему 23 года, чему доктор явно не верит. Далее этот человек видит обветшалый памятник павшим в бою на этом месте в 1862 (Бирс опять не сообщает, кто были эти воины)[4], видит оживленную жизнь веселого поселка, видит лужу у забора, смотрит в нее — и видит глубокого старика. И падает мертвым.

Но напрашиваются и другие замечательные и сходные, во всяком случае отчасти, произведения той поры. Напри-

[3] *Амброз Бирс*. Обретенное тожество // Американская новелла XIX века. М., 1958. С. 586—591.

[4] Или это непонятно неамериканскому читателю.

мер, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда (1890 г.), портрет молодого, безотказно нравящегося и жестокосердечного юноши, красавца-аристократа, которого ведет по жизни глубоко безнравственный старший друг-наставник, а его подлинная жизнь отпечатывается на портрете.

Но даже в нашей русской «босяцкой» литературе можно усмотреть что-то сходное. 1902 год. У М. Горького выходит «На дне». В пьесе два перекрестных антагониста: Барон, бывший барон, и проститутка Настя. Настя: «Ненаглядная, говорит, моя любовь! …Ну и должен, говорит, я от этого лишить себя жизни»[5]…И отвечала я ему «Незабвенный друг мой… Рауль» ⟨…⟩ Настя: «Ей-богу… было это! Все было! Студент он… француз был… Гастошей звали, с черной бородкой…в лаковых сапогах ходил. И так он меня любил…так любил!»[6]. Барон не верит Насте и рассказывает о себе: «Это …напоминает наше семейство… Старая фамилия… времен Екатерины… дворяне, вояки… выходцы из Франции…Служили, поднимались все выше… При Николае первом дед мой, Густав Дебиль, занимал высокий пост… богатство, сотня крепостных, лошади… повара». Настя: «Врешь! Не было этого!»[7]. Итак, мы не знаем, под чьим влиянием находился М. Горький, или это просто genius temporis (конец XIX — начало XX веков). Возможно, в эту пору о выдуманной жизни писали и многие другие писатели, по-разному распределяя тексты «реальной» и виртуальной жизни героев.

Поэтому в нашей книге этого не будет.

5. Естественно, в продолжение этого привлекательными являются и поиски интертекстуальных элементов в книге Пруста. Например, можно говорить о мощной «русской» струе, даже в явном виде: страницы посвящены Достоевскому, а в сюжетной ткани романа фигурируют такие

[5] Цит. по: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 6: Пьесы. М., 1950. С. 145.

[6] Там же. С. 146.

[7] Там же. С. 167.

таинственные персонажи, как великая княгиня Евдокия или великий князь Владимир.

Но этого в нашей книге совсем не будет (по недостатку эрудиции).

6. Напротив, можно сосредоточиться на влиянии Пруста на более поздних писателей. К сожалению, здесь придется ограничиться несколькими примерами. Многократно писали о влиянии Пруста на В. Набокова и вообще на самую значительную мировую литературу двадцатого столетия. По-настоящему, обозреть все это для меня невозможно. Поэтому я хочу привести один пример — влияние на писателя более скромного и не столь высокого литературного статуса. Это Джон Голсуорси и его «Сага о Форсайтах». Я приведу в пример только два сюжета.

Маленький Джон Форсайт не может заснуть, пока его не поцелует на ночь мама. Но мама потом приходит, и ему позволяется лечь с ней (Приложение № 2).

Во втором сюжете Сомс Форсайт женится на француженке, дочь называет Флер, начинает заниматься коллекционированием картин, в конце концов именно падающая из окна картина убивает его.

Итак, Флер приходит к влюбленному в нее молодому литератору:

> Если Уилфрид в половине шестого будет дома, она зайдет посмотреть его «хлам». Его ответ: «Правда? Бог мой, неужели?» чуть не остановил ее.
>
> Но отбросив сомнения, с мыслью: «Я буду парижанкой — как у Пруста!» она пошла в свой клуб. Проведя там три четверти часа без всякого развлечения, кроме трех чашек чаю, трех старых номеров «Зеркала мод» и созерцания трех членов клуба, крепко уснувших в креслах, она сумела опоздать на добрую четверть часа. Уилфрид стоял на верхней площадке, в открытой двери, бледный, как грешник в чистилище. Он нежно взял ее за руку и повел в комнату.
>
> Флер с легким трепетом подумала: